РАЗСКАЗЫ ЕВГЕНІЯ АНДРЕЕВИЧА ЕГОРОВА,

инженеръ-генералъ-лейтенанта.

Разсказы, здѣсь помѣщаемые, принадлежатъ покойному инженеръ-генералъ-лейтенанту Евгенію Андреевичу Егорову, со словъ котораго они и записаны. Престарѣлый ветеранъ, прослужившій 60 лѣтъ четыремъ государямъ, любилъ неоднократно повторять эти разсказы при жизни въ тѣсномъ кругу близкихъ ему лицъ, припоминая, по привычкѣ старыхъ военныхъ, многоразличные эпизоды изъ своей богатой воспоминаніями, болѣе чѣмъ полувѣковой служебной дѣятельности. Обойти словомъ, при передачѣ этихъ разсказовъ, самого разсказчика было-бы отнять отъ его разсказовъ полноту ихъ окраски, поэтому удѣляю здѣсь мѣсто небольшому очерку жизни покойнаго Е. А. Егорова, нелишенной своего обособленнаго интереса и во всякомъ случаѣ поучительной для однослуживцевъ его по профессіи, гг. инженеровъ новѣйшей формаціи.

Окончивъ первоначальное свое образованіе въ лучшемъ въ то время заведеніи — Горномъ корпусѣ, Е. А. Егоровъ поступилъ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, въ институтъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, въ ту блестящую эпоху этого заведенія, когда попечителемъ онаго былъ герцогъ Александръ Виртембергскій, директоромъ—генералъ Базенъ (отецъ извѣстнаго маршала), а профессорами: Бетанкуръ, Потіé, Ламэ, Лаперонъ и проч. знаменитости того времени, приглашенные изъ Франціи и Бельгіи основателемъ этого заведенія, императоромъ Александромъ I.

По производствѣ своемъ въ 1824 году въ офицеры, Е. А. Егоровъ былъ командированъ въ распоряженіе главнаго директора мостовъ и дорогъ Царства Польскаго, генерала Христіани. Тамъ, на западной окраинѣ нашей, провелъ онъ бо́льшую половину своей плодотворной служебной дѣятельности занимаясь то построеніемъ различныхъ шоссе, какъ, напримѣръ, Ковенскаго, Таурогенскаго и Брестъ-Литовскаго, то принимая участіе въ польской кампаніи 1830 года, гдѣ былъ раненъ пулею въ правую руку, то, наконецъ, ра-

ботая надъ сооруженіемъ казармъ, госпиталей, крѣпостей и т. п. казенныхъ построекъ.

Въ дальнѣйшемъ прохожденіи своей служебной карьеры, покойный ветеранъ является въ должностяхъ начальника инженернаго округа въ Вильнѣ, начальника строительной части южныхъ военныхъ поселеній, начальника инженеровъ московскаго и харьковскаго военныхъ округовъ и, подъ конецъ своей жизни, коменданта Бобруйской крѣпости; и если къ этому перечню занимаемыхъ имъ должностей присовокупить, что онъ былъ, между прочимъ, кавалеромъ Вѣлаго Орла, Георгія 4 ст. и Virtutti militare, а въ столѣтній день памяти императора Александра I получилъ знакъ службы трехъ царствованій, то этимъ исчерпается краткій обзоръ его оффиціальнаго, такъ сказать, curiculum vitae.

Но можно-ли имѣть вѣрное понятіе и безошибочное сужденіе о человѣкѣ по формулярному о службѣ его списку? Для полнаго опредѣленія личности, нужно еще знать ту непоказную и незаносимую ни въ какой послужной списокъ сторону жизни, которая могла быть не всѣми опознана въ теченіи земнаго поприща и которая остается глубоко запечатлѣнною лишь въ памяти тѣхъ, кому она была ближе извѣстна.

Съ этой стороны, говоря безпристрастно, авторъ этихъ разсказовъ представлялъ собою идеальный примѣръ въ той профессіи, служенію которой была посвящена вся его жизнь. Въ подтвержденіе сказаннаго, ограничусь лишь приведеніемъ имъ же высказаннаго однажды взгляда на долгъ службы, въ полной мѣрѣ обличающій его принципы и достаточно рисующій его съ упомянутой стороны.

Было это уже подъ конецъ его служебной карьеры, когда однажды случай свелъ его съ однимъ изъ немногихъ оставшихся въ живыхъ товарищей его по институту.

— „Ну, что, скажи, выиграли мы съ тобой въ результатѣ, сказалъ ему тотъ, оберегая такъ беззавѣтно казенную копѣйку и позабывъ запастись капитальцемъ про черный денекъ? А вѣдь, кажется, было бы съ чего—милліоны проходили черезъ наши руки!“

— „Какъ что?! изумленно воскликнулъ покойный Е. А., а этого тебѣ развѣ мало, что мы въ концѣ нашей жизни можемъ такъ смѣло смотрѣть на себя въ зеркало? Не то было бы, если бы мы набили себѣ карманы, тогда пришлось бы отвернуться отъ своего облика, плюнуть и сказать самому себѣ: экій ты, братецъ, подлецъ!“...

Полагаю, что слова эти всецѣло характеризуютъ того, кто ихъ сказалъ, и въ коментаріяхъ къ нимъ нѣтъ надобности. И вотъ, если остановиться на нихъ и сопоставить выраженное ими понятіе о чести и чувствѣ скромнаго удовлетворенія передъ своею совѣстью, съ заурядными въ наше время явленіями алчнаго сребролюбія, казнокрадства, лихоимства и разнаго рода хищеній, то невольно приходится пожалѣть объ отшедшихъ инженерахъ старой школы,

разсадникомъ котораго былъ институтъ императора Александра I-го, въ лучшее время его процвѣтанія.

Е. А. Егоровъ скончался почти внезапно 1-го марта 1882 г. въ С.-Петербургѣ, куда прибылъ изъ Бобруйска по полученіи извѣстія объ увольненіи его отъ должности, мотивированномъ необходимостью для него отдыха... Онъ обрѣлъ себѣ этотъ отдыхъ на вѣки въ Александро-Невской лаврѣ, гдѣ похороненъ на отпущенныя инженернымъ вѣдомствомъ деньги, въ размѣрѣ... 200 рублей! Фактъ, несомнѣнно свидѣтельствующій объ умѣстной бережливости и отличительной благоразумной экономіи названнаго вѣдомства...

А. Е.

1.

Въ одной изъ стычекъ съ поляками, авторъ этихъ разсказовъ, принимавшій участіе въ кампаніи 1831 года, обратилъ непріятеля въ бѣгство, захвативъ при этомъ нѣсколько человѣкъ плѣнныхъ и отбивъ орудіе. Отбитіе непріятельскаго орудія, какъ извѣстно, награждается по статуту орденомъ св. Георгія 4-й степени. Пріятная перспектива — получить столь вожделѣнную и лестную для каждаго офицера награду, не могла не вызвать радостныхъ мечтаній въ юномъ воинѣ, и онъ съ тріумфомъ доставилъ свой трофей въ лагерь. Но... достаточно было нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ однимъ изъ солдатиковъ, все время внимательно осматривавшаго непріятельское орудіе, чтобы розовыя иллюзіи будущаго Георгіевскаго кавалера разлетѣлись прахомъ.

— „Ваше благородіе, крикнулъ этотъ солдатикъ, а вѣдь пушка-то деревянная!“...

Кинулись къ пушкѣ и—увы! солдатикъ былъ правъ: злосчастное орудіе оказалось, дѣйствительно, деревяннымъ... И вотъ—герой минуты обратился снова въ обыкновеннаго смертнаго!...

Впослѣдствіи выяснилось изъ разсказовъ плѣнныхъ, что въ польской арміи было не мало такихъ фальшивыхъ пушекъ, назначеніе которыхъ состояло въ устрашеніи ихъ грознымъ видомъ врага, для внушенія ему бо́льшаго уваженія къ численности непріятельской артиллеріи.

2.

Кучеръ Александра Павловича, Илья, былъ въ свое время извѣстенъ всему Петербургу, гдѣ часто можно было видѣть, какъ государь, нагнувшись впередъ, разговаривалъ съ нимъ во время ѣзды, почему въ ту пору вошло даже въ моду и считалось какъ-бы признакомъ хорошаго тона разговаривать, à l'Empereur, съ своимъ кучеромъ.

Съ любимымъ своимъ кучеромъ Ильей Александръ Павловичъ никогда не разставался, бралъ его съ собой въ путешествіяхъ своихъ по Россіи, а когда скончался въ Таганрогѣ, то этотъ же Илья не захотѣлъ уступить мѣста своего также и на козлахъ печальной колесницы, доставивъ тѣло своего благодѣтеля въ Петербургъ. Не безъизвѣстно было и то, что расположеніемъ къ нему государя Илья, какъ смѣтливый русскій мужикъ, пользовался зачастую очень ловко, направляя коней и экипажъ своего августѣйшаго сѣдока не разъ по своимъ соображеніямъ туда, куда послѣдній не предполагалъ попасть. На этотъ счетъ извѣстны уже многіе анекдоты, но вотъ еще одинъ, который, кажется, еще неизвѣстенъ.

Въ одну изъ поѣздокъ Александра I-го на югъ Россіи, въ г. Полтавѣ, гдѣ въ то время губернаторъ сильно враждовалъ съ губернскимъ предводителемъ дворянства, Илья устроилъ такъ, что государь, вмѣсто того, чтобы попасть на заготовленную ему квартиру у губернатора, попалъ, по волѣ своего кучера, къ предводителю. Продѣлалъ это Илья слѣдующимъ образомъ: когда государь остановился у собора, чтобы выслушать молебенъ, къ Ильѣ, какъ къ старому знакомому по Петербургу, подошелъ предводитель, служившій когда-то въ гвардіи, и упросилъ его отвезти государя не къ губернатору, а къ нему въ домъ, за что пообѣщалъ угостить и наградить на славу. Илья не заставилъ себя долго просить и, условившись съ предводителемъ, чтобы тотъ выставилъ, гдѣ слѣдуетъ, по пути махальщиковъ, лихо подкатилъ государя, къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, къ крыльцу дома предводителя дворянства. Сначала и самъ Александръ Павловичъ былъ нѣсколько удивленъ неожиданнымъ прибытіемъ своимъ къ предводителю, но встрѣченный молодой хозяйкой и цѣлымъ роемъ хорошенькихъ женщинъ, къ которымъ, кстати сказать, имѣлъ всегда большую слабость, онъ тотчасъ же примирился съ своимъ положеніемъ и, къ крайней досадѣ губернатора, остался ночевать у ловко переманившаго его къ себѣ предводителя.

Повѣствовавшій припоминалъ, что и ему случилось разъ въ юности своей встрѣтиться съ Ильей. Проходя однажды съ товарищемъ своимъ Загоскинымъ (братомъ извѣстнаго писателя) мимо дома Аракчеева на Литейной, они обратили вниманіе на стоящія у подъѣзда сани съ великолѣпнымъ рысакомъ.

„Чья это лошадь?“ полюбопытствовали узнать молодые люди у важно возсѣдавшаго на козлахъ кучера.

— „Какое странное любопытство!“ получили они въ отвѣтъ отъ него и, узнавъ въ немъ знаменитаго Илью государя, поспѣшили извиниться и оставить его.

3.

Императоръ Николай питалъ всегда особенное влеченіе къ инженерному и архитектурному искусствамъ, почему, будучи еще великимъ княземъ, былъ назначенъ царствующимъ братомъ своимъ главнымъ начальникомъ инженернаго корпуса.

Любовь его къ строительному дѣлу не покидала его до конца жизни и, надо сказать правду, онъ понималъ въ немъ толкъ не хуже любаго спеціалиста по этой части, слѣдилъ и очень часто лично провѣрялъ выполненные и утвержденные имъ проекты различныхъ построекъ, не оставляя замѣченныя имъ упущенія безъ строгаго взысканія. Не ограничиваясь поверхностнымъ осмотромъ казенныхъ зданій, онъ всегда входилъ во всѣ техническія подробности производства работъ и поражалъ всѣхъ мѣткостью своихъ замѣчаній и вѣрностью глаза. Вотъ одинъ изъ многихъ случаевъ, подтверждающій сказанное.

Обозрѣвая однажды сдѣланныя по его повелѣнію постройки въ сѣверо-западномъ краѣ, онъ видимо довольный осмотромъ одной казармы, перестроенной изъ упраздненнаго католическаго кляштора (монастыря), при входѣ въ одну комнату вдругъ остановился на порогѣ ея и, нахмурившись, обратился къ начальнику края съ вопросомъ:

— „Кто производилъ перестройку этой казармы?“

Генералъ-губернаторъ поспѣшилъ представить ему производителя работъ.

— „Отчего полъ покатъ?“ спросилъ его Николай.

Инженеръ-строитель объяснилъ, что покатость пола происходитъ по той причинѣ, что въ этой комнатѣ была прежде классная монастырской школы и что полъ въ ней былъ сдѣланъ намѣренно съ легкимъ наклономъ для удобства надзора съ кафедры преподавателю за учащимися, а такъ какъ все зданіе было построено на сводахъ, то и передѣлка пола въ этой комнатѣ оказалась невозможной.

Приведеннымъ объясненіемъ монархъ-зодчій остался удовлетвореннымъ и, выходя изъ зданія, изъявилъ свою благодарность строителю.

4.

Проѣздомъ черезъ г. Вильно, Николай Павловичъ посѣтилъ существовавшій тогда, нынѣ упраздненный, виленскій дворянскій институтъ. Обойдя сначала классы, онъ направился потомъ въ лазаретъ, въ дверяхъ котораго былъ неожиданно привѣтствованъ чрезвычайно зычнымъ: „здравія желаемъ вашему императорскому величеству!“, вырвавшимся изъ груди толстаго подлекаря, стоящаго тутъ-же на вытяжку.

— „Кто онъ?“ спросилъ государь у директора училища, указывая на подлекаря.

Тотъ доложилъ.

— „Молодецъ!“ сказалъ Николай и, освѣдомившись о его чинѣ и узнавъ, что онъ не имѣетъ никакого — велѣлъ представить его въ коллежскіе регистраторы.

5.

Производя однажды артиллерійскіе маневры подъ Петергофомъ, Николай Павловичъ скомандовалъ залпъ изъ всѣхъ орудій. Само собой разумѣется, что залпъ долженъ былъ послѣдовать холостыми зарядами, но каково, однако, было изумленіе и ужасъ всѣхъ, когда внезапно изъ одной пушки вылетѣлъ настоящій зарядъ и, шипя, пронесся надъ головой государя, заставивъ его сдѣлать невольное въ подобныхъ случаяхъ нервное движеніе головой внизъ.

Внѣ себя отъ гнѣва Николай Павловичъ позвалъ своимъ громкимъ голосомъ батарейнаго командира, въ батареѣ котораго оказался столь непростительный недосмотръ, и когда послѣдній, блѣдный какъ смерть, подскакалъ къ нему, онъ облегчилъ свое сердце, выругавъ его трехъэтажнымъ непечатаннымъ словцомъ. Обезумѣвшій отъ страха батарейный командиръ до того растерялся, что ни съ того, ни съ сего брякнулъ вдругъ не вопадъ:

— „Почту за особенное счастье, ваше императорское величество!“

Не къ слову сказанная фраза произвела свое смѣхотворное дѣйствіе на всѣхъ, и государь, долго силясь удержать себя отъ душившаго его хохота, отворачивался отъ присутствующихъ, потряхивая своими густыми эполетами. Всѣ окружавшіе его, глядя на него, смѣялись также и только одному виновнику, вызвавшему такое неожиданное настроеніе у всѣхъ, было не до смѣха: его нашли безъ чувствъ у злополучнаго орудія...

Къ разсказанному у мѣста сказать, что въ обуявшемъ батарейнаго командира страхѣ не было ничего преувеличеннаго, если припомнить—до какой стро-

гости была доведена дисциплина въ царствованіе Николая I-го Строгость эта господствовала надъ всѣмъ и доходила до непонятныхъ въ наше время мелочей. Такъ, когда однажды этотъ государь, находясь въ Петергофѣ-же на водосвятіи въ лагерной церкви кадетскихъ корпусовъ, позабылъ, войдя въ церковь, снять перчатку съ правой руки, то никто изъ присутствовавшихъ военныхъ, безотчетно во всемъ ему подражавшихъ и слѣдившихъ за каждымъ его движеніемъ, не посмѣлъ и подумать снять перчатокъ до тѣхъ поръ, пока онъ, желая перекреститься, не снялъ свою съ руки... Удивительно-ли послѣ того, что такое дѣйствительно крупный фактъ, какъ приведенный выше, могъ произвести столь сильное дѣйствіе на его виновника!

6.

Однажды императоръ Николай обогналъ въ дорогѣ какую-то военную команду, шедшую походомъ подъ начальствомъ офицера. Солдаты шли стройно и въ большомъ порядкѣ, что, видимо, понравилось его величеству, и онъ, поровнявшись, поздоровался съ ними. Остановясь для обѣда на слѣдующей станціи и замѣтя черезъ окно снова ту-же проходившую мимо команду, государь велѣлъ находившемуся при немъ флигель-адъютанту Гогелю [1]) позвать къ нему офицера. Вошедшій офицеръ оказался совершенно юнымъ прапорщикомъ, почти ребенкомъ; весь въ пыли онъ конфузливо остановился у двери. Николай Павловичъ ласково подозвалъ его къ себѣ, спросилъ о фамиліи и, указавъ на стулъ, предложилъ отобѣдать. Смущенный офицерикъ совершенно растерялся и не зналъ какъ приступить къ ѣдѣ, но, ободренный государемъ, сначала робко, а потомъ смѣлѣй, началъ ѣсть все, что ему подавали, съ тѣмъ завиднымъ аппетитомъ, какой бываетъ только въ ранніе годы молодости.

Въ началѣ обѣда разговоръ его былъ не смѣлъ, но понемногу, выпивъ стакана два добраго вина, языкъ не-хотя у него развязался и на вопросы государя о его житьѣ-бытьѣ офицерикъ пустился уже безъ стѣсненія въ такія подробности, что заставлялъ невольно улыбаться всѣхъ присутствующихъ. Поощряемый смѣхомъ самого государя, юный собесѣдникъ его дошелъ въ своей откровенности, наконецъ, до того, что вскорѣ всѣ интимныя подробности его жизни и житья уѣзднаго городка, въ которомъ квартировалъ его полкъ, были

---

[1]) Это тотъ самый флигель-адъютантъ Гогель, впослѣдствіи свиты его величества генералъ-маіоръ и начальникъ штаба на Кавказѣ, который былъ командированъ въ 1831 г. въ Иркутскъ для усмиренія бунтовавшаго архіепископа Иринея Нестеровича. Ив. Ив. Гогель былъ женатъ на родной сестрѣ жены повѣствовавшаго эти разсказы, рожденной Есаковой, и отъ него заимствованъ настоящій разсказъ. А. Е.

досконально извѣстны государю. Такъ, между прочимъ, изъ разговора его выяснилось, что онъ влюбленъ въ дочь казначея, прехорошенькую блондинку, но что у послѣдней есть соперница, коварная брюнетка, которая ревнуетъ его къ блондинкѣ, и т. д. Словомъ, юная душа вылилась вся на распашку, забывая въ увлеченіи своемъ—съ кѣмъ ведетъ разговоръ...

Долго потѣшалъ прапорщикъ государя своими наивными разсказами и когда, наконецъ, пришло врѣмя прекратить ихъ, то до того понравился послѣднему, что тотъ, прощаясь съ нимъ, подалъ ему руку и велѣлъ Гогелю записать его фамилію.

По прошествіи нѣкотораго времени неизвѣстный и скромный армейскій прапорщикъ былъ высочайшимъ приказомъ переведенъ въ гвардію и когда потомъ онъ попадался на глаза Николаю Павловичу — на смотрахъ-ли или на выходахъ—послѣдній неизмѣнно узнавалъ его и шутливо спрашивалъ:

— „Что пишетъ тебѣ твоя возлюбленная и что подѣлываетъ ея ревнивая соперница?“

7.

Находясь въ большой дружбѣ съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, отцемъ императрицы Александры Ѳеодоровны, императоръ Николай весьма часто навѣщалъ его въ Берлинѣ, и въ этихъ поѣздкахъ, совершаемыхъ имъ нерѣдко подъ строгимъ инкогнито, онъ обыкновенно ѣздилъ безъ всякой свиты и по чужой подорожной.

Въ одну изъ такихъ частныхъ поѣздокъ его, когда онъ, желая пріѣздомъ своимъ сдѣлать сюрпризъ императрицѣ, гостившей въ то время у отца своего въ Берлинѣ, принялъ особенныя мѣры предосторожности, чтобы не быть узнаннымъ, и ѣхалъ подъ казенной подорожной одного изъ своихъ генералъ-адъютантовъ, строгое инкогнито его было неосторожно разоблачено смотрителемъ одной почтовой станціи. Подъѣхавъ къ этой станціи, государь вышелъ изъ экипажа и, въ ожиданіи перепряжки лошадей, а также разсчета камердинера съ смотрителемъ въ прогонныхъ деньгахъ, вошелъ въ комнату для пассажировъ и сталъ по ней прохаживаться. Смотритель, увидѣвши изъ подорожной, что имѣетъ дѣло не съ совсѣмъ обыкновеннымъ смертнымъ, а съ генералъ-адъютантомъ, счелъ долгомъ своимъ вручить подорожную лично ея владѣльцу. Войдя съ этой цѣлью въ комнату, гдѣ находился именитый путешественникъ, онъ остолбенѣлъ на порогѣ, увидѣвъ передъ собой самого государя, котораго ему не разъ доводилось видѣть прежде въ проѣзды послѣдняго по этой мѣстности.

— „Готовы лошади?“ спросилъ его Николай Павловичъ.

„Такъ точно, ваше императорское величество“ брякнулъ оторопѣвшій смотритель.

— „Д . . . . ! не видишь развѣ—кто прописанъ въ подорожной?“ замѣтилъ ему съ досадой государь и вышелъ къ экипажу:

8.

Въ частыхъ поѣздкахъ своихъ по шоссе изъ Петербурга къ прусской границѣ, Николай Павловичъ успѣлъ приглядѣться къ лицамъ смотрителей станцій и возившихъ его ямщиковъ; зналъ многихъ по имени, а съ однимъ старымъ ямщикомъ изъ поляковъ, по имени Янъ, имѣлъ даже привычку каждый разъ заговаривать и разспрашивать о его житьѣ-бытьѣ. Въ отвѣтахъ своихъ старый Янъ не стѣснялся и рубилъ съ плеча все, что ему приходило на умъ, за что собственно и пользовался такимъ особеннымъ расположеніемъ государя. И вотъ, разъ какъ-то, когда государь, по обыкновенію своему, сталъ шутливо заговаривать съ Яномъ, послѣдній оказался менѣе разговорчивымъ, чѣмъ обыкновенно, видимо, имѣя что-то на душѣ. Государь это замѣтилъ. Подъѣхавъ къ станціи и выйдя изъ экипажа, онъ обратился къ Яну съ вопросомъ, не пострадало-ли его какое несчастіе? Янъ снялъ шапку и мялся.

— „Ну, да не бойся, говори“, сказалъ ласково Николай.

„Najiasniejszy Pan zrobił się skąpy [1]), заявилъ вдругъ наивно старикъ и вслѣдъ затѣмъ объяснилъ, что бывало прежде отпускалось на водку за царскій проѣздъ кучерамъ по червонцу, а форейторамъ—по рублю, теперь же кучера стали получать всего по рублю, а форейтора—по полтинничку.

— „Это почему такъ?“ обратился государь къ гр. Орлову и велѣлъ немедленно дознаться въ чемъ дѣло и доложить ему.

Изъ разспросовъ Орлова обнаружилось, что старшій камердинеръ государя, пользовавшійся его безграничнымъ довѣріемъ, имѣя на своей обязанности раздачу денегъ на чай ямщикамъ, прикарманивалъ большую половину этихъ денегъ въ свою пользу, мошеннически обсчитывая бѣдныхъ ямщиковъ. Орловъ доложилъ объ этомъ открытіи ожидавшему его въ станціонной комнатѣ государю.

— „М.....цъ!“ крикнулъ Николай Павловичъ на павшаго передъ нимъ на колѣни преступнаго камердинера и, оттолкнувъ его ногой, приказалъ тутъ-же, съ мѣста, посадить съ жандармами на тройку и отправить въ Сибирь на поселеніе.

---

[1]) Ваше величество сдѣлались скупы.

9.

Генералъ-адъютантъ графъ Орловъ сопровождалъ почти всегда Никола Павловича въ его путешествіяхъ и ѣхалъ иногда въ отдѣльномъ экипажѣ впереди государя. Это послѣднее обстоятельство было однажды причиной забавнаго qui proquo.

Разъ, когда Николай Павловичъ ѣхалъ по обыкновенію своему на свиданіе къ королю прусскому, ему по пути былъ приготовленъ великолѣпный завтракъ однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ Ковенской губерніи на близь лежащей отъ имѣнія послѣдняго почтовой станціи. По маршруту государь долженъ былъ прибыть на ту станцію какъ разъ къ тому времени, когда имѣлъ обыкновеніе завтракать, а потому все какъ слѣдуетъ было приготовлено гостепріимнымъ помѣщикомъ къ урочному часу для пріема: комнаты убраны оранжерейными растеніями, столъ, великолѣпно сервированный, установленъ яствами и питьями, а самъ хозяинъ, облеченный въ дворянскій мундиръ, стоялъ на крыльцѣ и нетерпѣливо ожидалъ прибытія предшествовавшаго государю фельдъегеря. Вотъ, наконецъ, прискакалъ и послѣдній и, быстро перемѣнивъ лошадей, объявилъ, что слѣдомъ за нимъ будетъ его величество.

Вскорѣ по шоссе дѣйствительно не замедлила показаться пыль отъ приближающагося экипажа и черезъ нѣсколько минутъ подкатила къ крыльцу станціи карета, запряженная шестеркой съ форейторомъ впереди. Изъ кареты вылѣзъ высокаго роста генералъ въ бѣлой фуражкѣ и, не обращая вниманія на отдавшаго ему честь помѣщика, молча прошелъ прямо въ ту комнату, гдѣ былъ приготовленъ завтракъ. Генералъ—который былъ не кто иной, какъ извѣстный своимъ аппетитомъ гр. Орловъ—пріятно изумился при видѣ изобильно уставленнаго блюдами стола и, не говоря ни слова, поспѣшно сталъ уписывать одно кушанье за другимъ, запивая все винами и видимо торопясь, чтобы не быть настигнутымъ государемъ. Покушавши, какъ слѣдуетъ, онъ всталъ со стола и, кивнувъ головой стоявшему у дверей помѣщику, молча сѣлъ снова въ свою карету и ускакалъ дальше...

Удивленный и крайне огорченный такимъ невниманіемъ къ нему, помѣщикъ, принявшій Орлова за Николая Павловича, вышелъ на крыльцо станціи и, въ грустномъ раздумьѣ о постигшей его неудачѣ, закурилъ трубку. Не успѣлъ онъ, однако, затянуться ею, какъ слѣдуетъ, какъ вдругъ подкатываетъ къ станціи еще экипажъ и въ немъ опять генералъ въ бѣлой фуражкѣ. Этотъ, впрочемъ, не вышелъ изъ экипажа, а остался въ немъ во время перекладки лошадей. Замѣтя помѣщика, онъ подозвалъ его рукой къ себѣ.

— „Что вы здѣсь дѣлаете?“ спросилъ онъ его громкимъ голосомъ.

Помѣщикъ разсказалъ какъ о причинѣ своего нахожденія на станціи, такъ

и о постигшей его неудачѣ съ „государемъ“, столь немилостиво обошедшимся съ нимъ, и заключилъ свой разсказъ приглашеніемъ позавтракать.

— „Благодарю“, сказалъ проѣзжій, „я уже позавтракалъ на прошлой станціи. А вы развѣ никогда не видѣли государя?“

„Никогда, ваше превосходительство“.

— „А вамъ хотѣлось бы очень его видѣть?“ продолжалъ допрашать первый.

„Еще-бы! Хотя-бы разъ въ жизни хотѣлось поглядѣть на него вблизи и удостоиться его разговора—такого случая вѣдь уже никогда мнѣ не представится!“...

— „Вотъ какъ! Ну, такъ успокойтесь: тотъ, кого вы приняли за государя, не былъ имъ; государь—это я“, сказалъ улыбаясь Николай I-й безпредѣльно изумленному помѣщику, и протянулъ ему на прощанье руку, которую тотъ поспѣшилъ поцѣловать.

10.

Въ одну изъ многихъ поѣздокъ своихъ въ Берлинъ, Николай Павловичъ, застигнутый однажды ненастьемъ у пограничной станціи въ мѣстечкѣ Таурсгенѣ, по пріѣздѣ на эту станцію, вышелъ изъ экипажа и вошелъ въ станціонную комнату, чтобы согрѣться. Случилось такъ, что наканунѣ того дня сгорѣла до тла находящаяся насупротивъ станціи почтовая контора, и почтмейстеръ, пострадавшій отъ пожара, перебрался на время съ семействомъ своимъ на станцію. Совершая и на сей разъ поѣздку свою подъ строгимъ инкогнито, императоръ Николай не былъ никѣмъ узнанъ и никто не могъ подозрѣвать о возможности его проѣзда. Не снимая шинели и фуражки, вошелъ онъ въ тускло освѣщенную сальной съѣчой станціонную комнату и, прислонясь къ топившейся печкѣ, сталъ около нея грѣться. Въ комнатѣ возилась въ то время у саковара жена погорѣвшаго почтмейстера, увидя которую, государь, сильно продрогшій, спросилъ своимъ звонкимъ голосомъ—не можетъ-ли онъ получить стаканъ чаю?

„Это еще что!“ вопросительно всклинкнула на него почтенная дама, „какое право имѣете вы такъ кричать на меня? Вишь ты какой! Влѣзъ въ комнату въ фуражкѣ, да еще вздумалъ командовать. Я, милостивый государь, не горничная какая, а жена здѣшняго почтмейстера и не позволю всякому проѣзжему офицеру грубить мнѣ... Говорила я мужу, что здѣсь мы только нажитемъ себѣ непріятности отъ проѣзжихъ, вотъ оно и вышло по моему“— и пошла, и пошла голосить!

Государь молча, стоя у печки, слушалъ ее.

Въ моментъ самого сильнаго разгара рацей неугомонной почтмейстерши,

отворилась дверь и на порогѣ ея остановился въ недоумѣніи генералъ-адъютантъ гр. Орловъ. Видя, однако, что расходившаяся баба не унимается, а, наоборотъ, забираетъ все выше, онъ сталъ ей дѣлать выразительные знаки рукой, давая ей понять, чтобы она замолчала.

„А этотъ еще что тамъ киваетъ?“ накинулась она вдругъ и на Орлова: „нѣтъ, это ужъ черезъ-чуръ, пойду и позову мужа!“ И съ этими словами энергичная почтмейстерша выскочила какъ бомба изъ комнаты...

— „Поѣдемъ“, сказалъ улыбаясь Николай Павловичъ своему спутнику, „дѣлать нечего—не удалось напиться чаю!“

На этомъ, вѣроятно, и закончился бы этотъ своеобразный эпизодъ и свирѣпая почтмейстерша никогда, быть можетъ, и не узнала—кого она такъ ласково приняла, если-бъ не возвратившіеся обратно ямщики. Ямщики эти, доставившіе государя до прусской почтовой станціи, возвратились пораженные тѣмъ, что они видѣли на прусской сторонѣ. Тамъ, по разсказамъ ихъ, вся станція была иллюминована и мѣстныя власти выѣхали на встрѣчу высокому путешественнику. Ямщики, естественно, поинтересовались узнать объ имени ихъ пассажира, и узнавъ, что это былъ самъ царь, обо всемъ видѣнномъ и узнанномъ ими разсказали у себя дома.

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе, сообщенное ими, должно было произвести на почтмейстершу, а еще болѣе на ея перепуганнаго супруга! Но тревога ихъ была напрасна: никакихъ непріятныхъ послѣдствій для нихъ не послѣдовало. Только годъ спустя, когда Николай Павловичъ проѣзжалъ съ цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ снова черезъ Таурогенъ, онъ вспомнилъ о приключившемся здѣсь съ нимъ.

— „Это здѣсь васъ нелюбезно приняла жена почтмейстера?“ спросилъ цесаревичъ своего отца, входя на станцію.

„Да, здѣсь“, отвѣтилъ ему послѣдній и разсказалъ, какъ все происходило.

Они вышли оба садиться въ экипажъ, весело посмѣиваясь.

11.

У покойнаго князя Юсупова, въ его великолѣпномъ дворцѣ на Мойкѣ, былъ балъ. Балъ этотъ почтилъ своимъ присутствіемъ государь Николай Павловичъ со всей царской фамиліей. Оставляя балъ, государь спускался по лѣстницѣ, гдѣ тотчасъ ему была подана его шуба. Хватились шубы наслѣдника цесаревича Александра Николаевича—въ то время еще очень молодаго человѣка,—но къ ужасу всѣхъ ея нигдѣ нельзя было найти; поиски были тщетны—шуба оказалась уворованной! Въ такомъ крайнемъ положеніи, и чтобы не задерживать сѣвшаго уже въ сани и поджидавшаго государя, на цесаревича

накинули первую попавшуюся шинель. Увидя на цесаревичѣ эту шинель, Николай Павловичъ сильно разгнѣвался на него и всю дорогу до Зимняго дворца журилъ его за безпечность и небреженіе къ своему здоровію, а по пріѣздѣ во дворецъ, приказалъ, не снимая шинели, отправиться за нимъ къ императрицѣ, которой, указывая на наслѣдника, сказалъ:

— „Полюбуйся-ка, въ какой шинели онъ щеголяетъ въ этакую погоду!“

Императрица Александра Ѳеодоровна пришла въ ужасъ и въ свою очередь обратилась съ укоризнами къ сыну. Но какъ отцу, такъ и ей, онъ не проронилъ ни одного слова въ свое оправданіе, не желая выдать виновныхъ...

На другой день оберъ-полицеймейстеръ, явясь съ утреннимъ рапортомъ къ государю, прежде всего доложилъ ему, что украденная наканунѣ вечеромъ на балу у князя Юсупова шуба его высочества розыскана и воръ задержанъ.

Велико было удивленіе Николая Павловича, когда онъ узналъ объ этомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ велика была и радость его за сына, обнаружившаго въ данномъ случаѣ столь рельефно всегда отличавшія его высокія душевныя качества. Онъ велѣлъ позвать его и горячо поцѣловалъ.

Сообщ. **Анатолій Ег — онъ.**